

Мои друзья часто задают мне вопросы о политике и возможных вариантах развития событий. Я же, в свою очередь, или "съезжал" с темы, или ограничивался общеизвестными фактами. Открою страшную тайну - в душе мне всегда были интересны республиканские идеи в том виде, в котором они существовали ранее, и ныне практически позабыты... когда возник у меня внутренний вопрос: "А что сделал бы я, если бы пришел в политику, с чего бы начал, какой фундамент заложил бы под строящуюся систему, я надолго задумался и переосмыслил многие вещи через жизненный опыт и исторический контекст. В итоге возникла необходимость ответить на извечные вопросы "кто мы? откуда мы? куда мы идем?" в истинно политическом контексте этого... В данном "эссе", собранном и обобщенном мною по просьбе окружающих, друзей, этот вопрос наконец-то рассмотрен полностью по состоянию дел "на сегодня")))). Следует отметить, что данный текст, как и многие тексты на сайте не написаны лично мною, а скорее "увязаны должным образом", чтобы дать наиболее **полное представление о сути вопроса и о том, что такое классическая республика и кто есть настоящие республиканцы.**

Почему классические республиканские идеи интересны и сейчас? Классическими республиками мы обычно считаем Афины, Римскую республику, республики Возрождения типа Флоренции и Венеции и, конечно, здесь же и пример наших ближайших славянских средневековых республик – Новгорода, Пскова, козацкой республики в Запорожье. Нельзя не включить сюда отчасти Речь Посполитую (Республика по латыни), (да и не только ее одну). Ее очень важно включить, потому что это особый пример. Там хотя была не чистая республика, но все механизмы были как республиканские - короля выбирали на сейме. И гибель этой страны как территории тоже была вполне республиканская.

Уже к концу XVIII в. казалось, эти варианты свободной жизни стали казаться нереалистичными. И после английской, нескольких французских и американской революции также сложился громадный корпус критики подобного типа политического устройства. Но за последние 20 лет были сформулированы ответы почти по всем основным обвинениям, которые либералы и демократы сформировали в отношении классических республик в течение XIX-XX вв.

Я попытаюсь в этом "эссе" вкратце разобраться в этом вопросе, взглянуть через эту призму на окружающий мир. Скажу сразу и откровенно, эта работа – продукт синтеза, очень многие идеи и мысли не мои лично, просто они увязаны мною в тот порядок, который, по моему мнению, даст возможность усвоить и применить на практике имеющийся результат... Более того, осмысливая сам для себя данную работу в процессе ее создания я пришел к мнению, что в душе давно являюсь республиканцем, просто глубоко не осознал этого факта целиком, понимая изложенные вещи фрагментарно, иными словами "не видел слона целиком"))))))

Итак начнем с истоков, ибо как говорит один мой знакомый – чем ближе к истокам, тем меньше воды))))). От себя добавлю, что она еще и чище))))). Кроме того, уровень

современного преподавания истории в современной Украине оставляет желать много лучшего))).

Самой старой классификацией форм правления представляется классификация, основанная на различии числа правящих лиц. **Если высшее распоряжение в власти принадлежит одному — это монархия, если многим — это аристократия, если всем — полиция (от греческого *πλιτος* - множество).**

Первое указание на такую группировку форм устройства страны находится у Геродота (отца такой науки как история), в его рассказе о переговорах Отанеса, Мегабиза и Дария, какую форму правления установить в Персии после убийства Лже-Смердиса, и до сих пор это самая обиходная группировка, находящая себе сторонников и среди выдающихся представителей современной науки. Однако, при ближайшем исследовании в такой группировке оказываются весьма существенные неудобства, на которые обращал внимание уже Аристотель, но которые с особенной силой сказываются в применении к современным, крайне сложным формам статусного устройства многих стран.

Прежде всего, что надо понимать под правящими? Если тех, в чьих руках сосредоточено все распоряжение властью, так, что все другие учреждения являются лишь содействующими или действующими по их полномочию, то под определение монархии, как правления одного, подойдет только неограниченная, абсолютная монархия. В конституционной монархии парламент не содействует только монарху и не от него получает свои полномочия, а напротив является самостоятельным органом, ограничивающим монарха и опирающимся на полномочия, данные ему от народа. Если же под правящим разумеют тех, в чьих руках сосредоточено не все распоряжение властью, а только функции так называемой исполнительной власти, тогда большинство современных республик, имеющих единоличного главу исполнительной власти, президента, окажутся также подходящими под определение монархии. С другой стороны, под определение демократии как правления всех, не подойдет в сущности ни одна действительно существующая страна. Нигде к участию в осуществлении функций власти не допускается все население без исключений. Еще в древности могло казаться иначе, так как там лишённые политических прав были вместе с тем и вообще лишены правоспособности, находясь в положении рабов. Определяя демократию как правление всех, имели в виду всех свободных. Но в современных странах почти все свободны и, однако все-таки нигде все не участвуют в функциях власти.

Сознание кажущейся непригодности числового основания классификации форм правления, как слишком внешнего и случайного признака, нередко приводило к другой крайности: к стремлению найти такое основание различия форм правления, которым определялись бы все характерные особенности полисной жизни.

Греция была колыбелью не только новой политической формы «полиса», но также и колыбелью науки. Такое совпадение сильно повлияло на зарождение политической науки, достигшей своего наивысшего на то время выражения в мыслях Сократа, трудах Платона и его ученика Аристотеля. **Эти философы и ученые жили в Афинах, где зародилась сама идея полиса, основанного на полиции.**

Сегодня многие не имеют более ли менее точного представления об истории этого полиса и о теориях, с ним связанных. Нужно иметь в виду, что до Аристотеля в Афинском полисе уже состоялось 11 конституционных реформ, за приблизительно семь веков его существования, в результате которых Афинский полис перепробовал практически все возможные формы правления: монархию, аристократию, олигархию, полицию, демократию и тиранию, в их разных вариантах. Больше того, Аристотель лично пережил провал абсолютной демократии в Афинах, приведший к потере независимости этого полиса навсегда. Эти конституционные реформы в Афинах и описывает Аристотель в своем труде «Афинская конституция (полития)».

Его учитель, Платон, ученик Сократа, сводил различие форм правления к различию трех добродетелей: мудрости, мужества, умеренности, из которых то та, то другая преобладает в государстве. Аристотель основным различием форм правления считал различие правильных и искаженных форм, признавая правильными те, где личный интерес правителей, кто бы они ни были, подчинен общему интересу страны; искаженными, напротив, те, где преобладает личный интерес правителей.

Именно Аристотель прославился в истории науки своими двумя классификациями, с тех пор ставшими классическими. Первая из них – это перечень всех возможных видов силлогизмов, каковой за прошедшие с тех пор 23 века до сих пор практически остался неизменным. Вторым таким классическим перечислением Аристотеля является его классификация политических режимов.

В своем труде «Политика» Аристотель изучает и описывает все формы политических режимов, с их подвидами, видоизменениями и комбинациями. В результате, он формулирует список основных форм политических режимов, для чего он следует в основном двум принципам: количеству властителей в каждом из этих режимов и качеству их функций. При этом, он учитывает также и ряд социальных факторов, в том числе и имущественное положение граждан страны.

Как известно, **Аристотель установил шесть абстрактных форм политических режимов: три правильные формы и три извращения этих правильных форм.**

Для этого он одновременно придает окончательную форму политической терминологии, которая сохраняется практически неизменной до наших дней. Самый выпуклый, ясный и краткий вариант этой классификации Аристотеля гласит следующим образом:

«В первом исследовании различных полисных форм мы различили три правильных строя («орфас политияс»): монархия, аристократия и полиция, и три отклонения (искажения) («пареквасеис») от них: тирания от монархии, олигархия от аристократии и демократия от полиции». (Аристотель. Политика. 1289 а, 25). Аристотель поясняет, что самая лучшая форма, сиречь монархия, трудно осуществима и встречается редко, ибо очень трудно найти необходимого для этого во всех отношениях хорошего человека. То же самое можно сказать и про аристократию. Посему из трех правильных (хороших) политических режимов, лишь третий из них является сравнительно легко достижимым на практике, ибо на самом деле он является комбинацией или смесью элементов всех трех хороших режимов с

элементами двух искаженных режимов (олигархии и демократии), но без тирании. Исторический анализ всех режимов приводит Аристотеля к убеждению, что чаще всего этот третий хороший политический режим (полития или республика) является смесью аристократии, олигархии и демократии, а иногда также и монархии.

Три правильные формы политических режимов имеют своей функцией и задачей общее благо всех граждан. В зависимости от того, кто стоит во главе политической власти, эти правильные формы являются монархией, аристократией или политией. В монархии возглавление принадлежит одному человеку, в аристократии немногим, а в политии многим. Однако, во всех этих трех случаях, все возглавители этих трех форм действуют на благо всех граждан, а не на благо самих себя.

Когда же эти три вида правления не действуют на благо всех, а в первую очередь на благо самих носителей власти, то в таком случае власть одного (монархия) извращается в тиранию, власть немногих (аристократия) извращается в олигархию и власть многих (полития) извращается в демократию.

Несмотря на окончательно признанный классический характер этой классификации, она всегда сопровождалась двумя значительными затруднениями, вплоть до наших дней.

В первом из этих затруднений сам Аристотель ничуть не виноват. Дело в том, что, приблизительно три века спустя после него, **римский политик и писатель Цицерон перевел на латынь только лишь один из этих шести терминов Аристотеля, а именно название третьей правильной политической формы, в то время как он сохранил все пять остальных греческих терминов. Греческий же термин «полития» Цицерон перевел латинским словом *res-publica* «республика» (буквально «общее или публичное дело»), являвшимся одновременно и одним из нарицательных названий Римской Политии. С тех пор, во всех переводах Аристотеля употребляется именно это латинское слово, наряду с другими пятью сохранившимися греческими названиями остальных политических форм. Причем эта подмена греческого слова полития латинским словом республика происходит до наших дней не только в латинских языках, но также и в германских и славянских. Такая подмена одного из шести терминов со временем явилась поводом и для других подмен и даже подлогов во всей этой системе политической терминологии, с целью идеологических манипуляций, ведь в современном мире, считающим себя демократическим, трудно признаться самим себе, что демократия есть извращенная форма республики (согласно Аристотеля).**

Другой причиной затруднений, связанных с этой тематикой, является игнорирование самой по себе весьма сложной политической теории Аристотеля, лежащей в основе его классификации. Дело в том, что Аристотель дает такое четкое и выпуклое перечисление политических режимов, в основном, с целью классификации их отвлечённых принципов (начал), а не с целью сведения к ним всей сложной реальной исторической действительности. Эту действительность он описывает на многих десятках страниц своего труда, но современные идеологические публицисты её тенденциозно игнорируют.

Каждая из классифицированных Аристотелем политических форм имеет несколько подвидов, которые Аристотель и описывает подробно, причем это описание, хотя и основывается на наблюдении исторической действительности вплоть до его эпохи, все же предугадывает и дальнейшее возможное развитие этих разных подвидов.

Однако самая главная характеристика всей политической теории Аристотеля,

сформулированной в его труде «Политика», заключается в его наблюдении, что на практике, то есть в исторической действительности, все политические режимы в большинстве случаев фактически являются смешанными.

Предпосылки политической устойчивости

В то время как Платон в своих изучениях и описаниях политической жизни человечества стремится к установлению идеального политического режима, Аристотель не ищет идеального режима в будущем, на основании наблюдений над прошлым. Аристотель исходит лишь из политических экспериментов, каковыми богата история, и пытается привести в порядок и классифицировать результаты этих экспериментов. Таким образом, он устанавливает, что все политические режимы, в той или иной мере, являются смешанными, ибо во всех них так или иначе присутствует несколько разных абстрактных политических начал, лишь с превосходством одного из них.

Одновременно он устанавливает соответствующую мерку, с помощью которой можно измерять эти разные виды политических смесей. Такой меркой для оценки конкретных политических режимов в истории, согласно Аристотелю, является их стабильность или устойчивость. Другими словами, наилучшим возможным политическим режимом для Аристотеля является самый устойчивый, самый стабильный политический строй, без нужды в перестройках.

По форме устройства все страны могут быть разделены, как это и признается издавна, на монархии и республики, но различие их не в числе правящих лиц, а в их юридическом положении.

В республике все лица, участвующие в распоряжении властью, ответственны от последнего избирателя до президента, стоящего во главе республики и призванного действовать от ее имени. В монархии, напротив, имеется и безответственный орган власти — монарх. Именно в этом различии ответственности и безответственности заключается различие президента республики и монарха, а не в объеме или характере их функций. Президент Северо-Американских Соединенных Штатов пользуется большею властью, нежели английская королева, но президент ответствен перед конгрессом и потому не монарх; английская королева, напротив, безответственна и потому, несмотря на всю ограниченность своей власти, остается все же монархиней. В конституции США, а именно в статье IV утверждается следующее: «Соединенные Штаты гарантируют каждому штату в настоящем Союзе республиканскую форму правления». Республиканская форма правления в США реализовалась в виде президентской республики: президент республики - глава государства и правительства; правительство не несет ответственности перед Конгрессом; президент не обладает правом роспуска палат Конгресса.

За основу построения системы статусной власти был взят принцип разделения властей от Монтескье, который в американских условиях трансформировался в так называемую систему сдержек и противовесов. В конституции было проведено организационное разделение между тремя ветвями власти - конгрессом, президентом и верховным судом, каждому из которых была предоставлена возможность действовать самостоятельно в конституционных рамках.

Установленные отношения между названными органами имеют целью предотвратить усиление одного из них за счет другого и воспрепятствовать одной из частей этой

системы действовать в направлении, противном направлениям других органов. Фактические отношения между тремя основными органами власти - конгрессом, президентом (он именуется не президентом республики, а президентом США) и верховным судом постоянно изменяются, но сам принцип разделения властей остается неизменным.

Республиканские страны различаются по степени осуществления в них республиканского принципа; подчинения всех управляющих учреждений народу. Чем шире непосредственное участие народа в осуществлении функций властвования, тем менее самостоятельны действующие по уполномочию от народа учреждения. Сообразно с этим различаются чистые или непосредственные республики и республики представительные. Непосредственной республикой называется такое статусное устройство, где народу принадлежит право непосредственного участия в осуществлении законодательной функции. В представительных же республиках непосредственное осуществление всех функций властвования предоставлено уполномоченным от народа учреждениям, а самому народу непосредственно принадлежит лишь право избрания своих представителей

Теперь поговорим о принципах республиканской традиции, сложившихся исторически.

Наиболее интересные далее рассуждения будут мною подчеркнуты.

С точки зрения республиканской концепции, даже потенциально находиться в зависимости от воли другого человека, даже если у вас хозяин добрый и хороший – это не делает вас свободными. Сама возможность того, что вам могут напомнить, кому вы принадлежите, и в чьих руках вы находитесь, делает человека невольником – он находится в воле другого, в произволе другого, под произволом.

Некоторые примеры из российской истории. Обычная формулировка докончаний, которые подписывала с приглашаемыми князьями Новгородская республика, звучит достаточно странно для носителей современного русского языка: «На всей воле новгородской». Хочется спросить, почему не «по всей воле», но для этого нужны историки русского языка, которые, наконец, досконально исследуют формулировку. В противоположность этому, когда новгородцы пытаются сказать другим, например, псковичам, что они от них зависят, то говорят: «А вам в своеволие не быти». Т.е. стихийно-республиканское понимание свободы схватывается даже в древнерусском языке, а то, что добавляется к этому современными концепциями свободы – это то, что представления о свободном городе дополняются также и представлениями о безусловных свободах индивидуальной личности. Быть свободным в понимании республиканцев означает не быть в воле кого-либо другого – как индивид или город – независимо от того, существует ли фактически ограничение вашей деятельности или нет.

Но одновременно республиканская свобода – это также и попытка не поработать других. Это понимание описывается как non-domination. Это попытка не делать другого материалом для реализации собственных целей, попытка относиться к нему, как к равному, и не ставить другого в ситуацию, когда ты являешься его хозяином. Как это устроить? Обычные ответы, которые мы находим в политической теории, можно вычитать в большом количестве трактатов, начиная с Цицерона, у теоретиков Возрождения и у современников. Если мы начинаем с Цицерона, то замечаем, что его

мысль достаточно проста. В центре ее – знаменитая концептуализация *res publica*, т.е. публичного дела или публичной вещи, если переводить эти два латинских слова двумя русскими терминами. Или можно перевести, как «вещи градские» или «вещи людские» – как передавались греческие аналоги термина *res publica* в Киевской Руси в общеизвестных древнерусских Кормчих книгах XIII в.

Цицероновское определение Аристотелевской “политии” *res publica* как *res populi* означает примерно следующее. Существует некоторая единица под названием *populus*, и это не любая толпа, собравшаяся по какому-то поводу. Люди, сидящие в этом зале, не являются *populus*, они не являются народом, потому что находящиеся здесь связаны общим желанием послушать и, возможно, поднять напитки в конце этой встречи, но они – мы? – не связаны тем, что называется по-латински *iuris consensu*, т.е. некоторым согласием в вопросах права. Главное, однако, упор не на консенсус. Это понятие *vinculum* – связи, связки, причем понимаемой достаточно телесно, понимаемое как некое сухожилие, которое связывает общественное тело воедино. Это то, что нас обвязывает вместе, это объединяет нас всех в связное целое. От этого понимания связки, увязанности идет, например, понятие *obligation* по-английски, *obligatio* по-латыни или обязанность по-русски. И другие базовые понятия, которые подразумевают некое сведение уз. Например, если вы посмотрите на строение термина «союз», это «со-узность», это тоже некоторая связность вместе.

Поэтому здесь представление о том, как можно устроить свободную жизнь вместе, очень простое. Оно практиковалось во всех классических республиках. Вы вместе принимаете те правила жизни, которые вам кажутся приемлемыми для всех, и потом вы вместе начинаете исполнять эти писанные правила. Тут важны оба компонента: участие в принятии этих законов и правил, во-первых, а также их записанность, во-вторых. Например, если нет писаного права – соответственно, нет архивов и кодификации – то мы получаем вместо *res publica* другой феномен, который схватывается итальянским термином *cosa nostra*. В этой ситуации тоже есть дело или вещь – *cosa* (аналог *res*), только дело это или вещь является *nostra*, а не *publica*. Иными словами, вместо *publica* и публичности мы получаем некое «наше дело», когда некоторое количество серьезных и важных мужчин регулируют жизнь общины “по понятиям”. И эти понятия не есть писаное право, которое довлеет над ними всеми, потому что понятия эти зависят от их собственной, “нашей”, интерпретации.

В республиканском понимании свобода представляется как свободно налагаемые на себя ограничения. Это мысль такая же старая, как человечество. Быть свободным – необязательно делать все, что хочешь. Свобода реализуема и по-другому, при одновременном общем принятии некоторых ограничений.

Спрашивается, почему же это перестало работать после XVIII в., когда пала Венеция в 1798 г.? Действительно, последняя классическая республика Европы – Дубровник или Рагуза – сдалась в 1806 г. войскам Наполеона, чтобы не сдаваться русским и черногорским войскам. Дело в том, что для того, чтобы – как часто говорится в республиканской традиции – подобное устройство свободы работало, нужны особые человеческие качества. Эти качества обычно обозначаются в римской республиканской традиции как гражданская добродетель или *virtù*, как писал об этом Макиавелли, или – если брать аналоги термина *arete* или *virtù* в древнерусском языке – как «добрести» или «доблести». Т.е. некоторая гражданская доблесть – это качество, которое необходимо для поддержания свободы. **Если нет людей, которые исполнены этих качеств,**

республиканские механизмы достаточно быстро подвергаются коррозии и распадаются.

Второй центральный элемент республиканской политической традиции – это попытки решить извечную проблему коррозии металла нравов. Вопрос понятен – как удержать или поддержать гражданскую доблесть, которая наполняет республиканский механизм энергией людей? В последние двести лет с подобными проблемами человечество сталкивалось как в их советской, так и в американской версии. В советской версии понятно: если бы все в Советском Союзе жили так, как должно (далее идет длинная проповедь о том, как жить), то система бы сработала. Однако, кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет, и дальше начинается коррозия нравов и конец системы. В американской версии эта проблема формулируется немного по-другому. Это проблема американского профсоюза; классически изложена Манкуром Олсоном в книге «Логика коллективного действия». Спрашивается: «Зачем мне вообще куда-то ходить и участвовать в каких-то собраниях, платить взносы, если профсоюз и так за меня добьется всех целей, которые принесут мне блага даже без моего участия?» С точки зрения рационального эгоистичного индивида, вообще непонятно, как возможен американский профсоюз. Если я хочу минимизировать свои расходы и максимизировать свои доходы, то я сижу дома и позволяю профсоюзу добиваться целей, которые реализуют и мои интересы, сам являясь фрирайдером.

Республиканская традиция предлагает два других решения, которые заставляют людей участвовать в республиканских типах жизни. Я начну с более недавнего – когда вместо того, чтобы пойти и что-то сделать вместе с другими, ты сидишь дома и спокойно занимаешься только своей личной жизнью. В понимании сегодняшнего дня (точнее - уже вчерашнего - поскольку пришел кризис)), это – примерно следующее. Есть экономический рост, все прекрасно, каждые субботу и воскресенье можно жарить шашлыки, свистеть с друзьями, посещать и создавать клубы по интересам, дети вас любят, начальник не хамит. Все хорошо. Соответственно, раз в четыре года можно придти на выборы и выбрать других правителей или тех же самых, наблюдая, как они грызут друг друга, превращая нас из населения в электорат. С первой точки зрения точки зрения угроза демократического деспотизма и начало конца республиканских ценностей таится именно здесь: постепенно человек сам отнимает у себя значительную часть из всей полноты возможностей своей жизни,

так как он не реализует себя политически

. Все сводится только к радостям частной жизни, а возможность стать кем-то другим, участвуя вместе с другими в определении собственной судьбы, просто сходит на нет. В таких условиях мы постепенно получаем во главе централизованного государства (русское извращение от монархии)- (в Украине державы) правителей и управленцев, которые не то, что нас угнетают – нет, они нас принижают. Они могут быть даже заботливы, но они обеспечивают нам условия жизни, при которых мы напоминаем коров, которым дают возможность хорошо попасть на лугу.

Это не человеческая жизнь, (с этой самой первой точки зрения), потому что то, что делает человека человеком (вспомните Аристотеля, человек – существо политическое) – как раз этой возможности у человека, живущего в условиях демократического деспотизма, уже нет.

Может показаться, что это – аргумент высокой риторики. Возможно, это так и есть. Но есть более практичные рецепты поддержания гражданской доблести, связанные с

проблемами, которые мучили людей типа Гвиччардини и Макиавелли. Например, что делать с жизнью в республике, где постоянно есть угроза фракционной борьбы на выживание в том-же парламенте (или его аналоге), где богатые и влиятельные формируют клики или партии для того, чтобы захватить *res publica* и сделать ее из дела публичного делом одного человека? Их ответ был другой. Дело не в том, что вы забываете о своей человеческой сущности, когда концентрируетесь только на шашлыках – и надо об этом постоянно напоминать – а дело в том, что существует некая игра внутри республики, который настолько увлекает, что люди втягиваются в республиканские формы жизни, так как они гораздо интереснее, чем шашлыки с пивом на выходные. Подобный аргумент всегда казался более реалистичным – ведь можно попытаться вовлечь людей в некоторую игру, которая приводит к становлению гражданской доблести. Нужно соревнование, нужна арена, на которой богатые, талантливые и влиятельные могут проявить себя именно в рамках республики, тогда они не будут опрокидывать сцену и сминать стеклянные перегородки в парламенте. Иначе их энергия будет использована как раз антисистемно, и сама сцена исчезнет.

Иными словами, в классической республиканской традиции предлагалось примерно следующее. Надо дать людям сыграть в значимую для них игру, дать им реальную возможность выиграть в ней и прославиться на всю жизнь. Тогда наиболее способные, интересные и состоятельные в смысле обладания политическими возможностями люди будут реализовывать себя в рамках данной игры. Как это видится в XXI веке? Аласдер Макинтайр, один из самых интересных англоязычных философов современности, написал в 1980 г. книгу “*After virtue*” – «После добродетели» или «После доблести» – на русский язык она переведена в 2002 г. Макинтайр говорит, что стремление к доблести не есть что-то забытое или из ряда вон выходящее и для современных обществ. Желание проявить доблесть и отличиться превосходным поступком или виртуозным исполнением осталось в некоторых сферах, которые значимы для всех нас – это, например, искусство и спорт. Проблема в том, как перенести практики и увлекательность соревнования за особые достижения виртуозной игры (от термина *virtu*) или доблестной жизни в те сферы, где требуется гражданская доблесть, термин, порожденный Грецией, республиканским Римом и ныне, к сожалению, практически позабытый.

Жизнь виртуоза и стремление превзойти других – стремление совершить превосходные поступки – показывают те характеристики игровой доблести, которые отличают ее от скучной религиозно-нравственной добродетели. Во-первых, искусство подчеркивает одну из характеристик победы в соревновании за то, чтобы превзойти других. Когда с помощью некоторого доблестного или виртуозного поступка вы устанавливаете новые стандарты достижения в данной игре, эти стандарты не отменяют предыдущие.

Джексон Поллок, который разбрызгивает краску по холсту, не хуже и не лучше, чем Рембрандт. Но если вы хотите стать значимым художником, теперь вам нужно знать и что такое Рембрандт, и что такое Джексон Поллок, они находятся рядоположенно. Если вы собираетесь стать художником без знания предыдущих достижений в игре под названием «художник», это можно сделать, но это будет на порядок сложнее. По крайней мере, то, что задает для вас горизонт осмысленного действия в игре под названием «отличиться и стать художником, которого запомнят», это горизонт тех достижений, которые уже были сделаны в этой игре. Вторая характеристика соревнования за доблесть – и это подчеркивает лучше модель спорта – это то, что

наиболее значимые достижения сразу принадлежат всем, тут не возникает проблемы собственности. Как только в лыжах появляется ход «елочкой» и устанавливаются новые стандарты скорости – появляется, как говорят еще, «коньковый ход» – то, извините, бегать по-старому уже невозможно. Ты не можешь быть успешным лыжником, если ты все еще по старинке тащишь свои лыжи параллельно одна другой.

То же самое можно сказать про футбол. Здесь соревнование предполагает, что есть некоторое достижение, которое может сразу стать достоянием всех, потому что задает ориентиры для игры. Можно ли быть хорошим футболистом, не зная, что сделал Блохин в 1975 г., когда он вывел «Динамо» (Киев) на первое место в Суперкубке УЕФА, в одиночку обыграв несколько защитников и забив гол? Если ты нападающий, для тебя этот ориентир безусловно значим. То же самое можно сказать и о других видах игры. Обычная критика подобного размышления сводится к вопросу: с чего вы взяли, что люди будут мотивированно играть во все это в сфере, где надо проявлять не спортивные, а гражданские доблести? Ответом является то, что политика не хуже и не лучше спорта, если мы ее рассматриваем по модели игры. Всегда есть игры, в которые мы играем: кто-то в искусство, кто-то в спорт, кто-то в соревнование за то, чтобы стать более успешным бизнесменом, кто-то за то, чтобы прославиться в науке, кто-то за то, чтобы стать лучшей матерью и т.д. Да, со стороны это все обычно выглядит, как соревнование детей, которые резвятся в песочнице, пытаясь переплюнуть друг друга в буквальном смысле. Для них игра значима, а со стороны она кажется абсолютно неосмысленной. Но это характеристика любой социальной игры, – только находясь внутри нее, относишься к ней и к ее ставкам серьезно. Поэтому политикой как соревнованием за превосходное достижение, устанавливающее стандарты для будущих достижений, могут заниматься не менее увлеченно, чем спортом или искусством.

Третий центральный элемент республиканской традиции – это признание. Например, существует одна характерная фраза Цицерона, которая обычно рассматривается современным читателем как проявление ничем не обоснованного идеализма. В тексте, который был вторым по печатаемости в Европе XV-XVII вв. после Библии – ведь ни одна светская книга тогда не была так востребована тогда, как трактат «Об обязанностях» (или «О должностях», “De officiis”) – дана градация видов человеческой общности.

Цицерон исследует разные варианты этой общности и говорит: «Да, конечно, близкие, друзья, семья, город, человечество – они все важны и дороги, как некоторые типы сообщества. Но только ради *res publica* люди готовы умереть без колебания».

Эта фраза – не только знакомое воззвание положить свою жизнь “за други своя”, или *pro patria mori*. Но это также и утверждение, что определенные типы индивидуальных достижений возможны только в рамках строго определенных единиц действия.

Например, осмысленные претензии на бессмертие возможны только в рамках действия на определенных аренах.

Объективные условия Афин периода их подъема стимулировали формирование предприимчивого, трудолюбивого, политически активного гражданина – защитника своей страны, уважающего её законы и обычаи. Не все отвечали этому идеалу, но многие к нему стремились. Приведём некоторые положения военной присяги, афинских граждан, впервые вступивших в строй: “...я буду повиноваться законам,... которые установит народ. И если кто-нибудь будет, отменять законы или не повиноваться им, я не допущу этого...” Благодаря высокой политической активности рядовых граждан — демоса знать не смогла сохранить государственные формы аристократического

правления. Такого противодействия властям не было в государствах Древнего Востока. Сейчас, естественно, наиболее значимое для нас общение происходит в рамках семьи или круга друзей. Переписка, разговоры и то, что происходит в рамках данных групп, определяет горизонт экзистенциального значения для вас, т.е., вы опираетесь на факты из именно этих сфер, когда конструируете наиболее важные для вашей жизни смыслы. Активно обсуждаются так же возможности так называемых аффинити-групп, созданных гражданами для решения повседневных прикладных задач. Для республиканца римского времени или для граждан классических республик Возрождения и раннего Нового времени – это не так. Семья и друзья безусловно важны, но есть только один вид сообщества, способный породить истории, которые фиксируют дела наиболее отличившихся людей. Это – *res publica*. Другие уровни сообщества просто неспособны это делать. Отсюда и вытекает это заявление Цицерона: человек готов сложить голову только в рамках той арены, которая способна это оценить.

Тут надо подчеркнуть различие между современностью и античностью еще раз. Сейчас, когда тебе к примеру 25 лет, естественно, ты не думаешь о том, что будет после тебя. Но чем ближе к 45 или 65 годам, тем чаще возникает вопрос: «А что останется после тебя в вечности?» В античное время, людей заботит не вечность – эту заботу принесло христианство – а другая вещь: бессмертие, которое обычно доступно только богам. Смертным оно было недоступно по определению, но был единственный вид арены, где можно было сделать что-то, что приближало греков и римлян к богам, к бессмертию. И это была именно республиканская арена. Потому что именно там, только на этом уровне, производились истории, которые могли остаться после тебя на некоторое время, а, может, даже в веках.

Все, кто занимался историей политической мысли, читал Фукидида и знаменитую надгробную речь Перикла. Это речь дает модель, с помощью которой грек приближал себя к бессмертию. Некоторые виды действий могут дать историю значимой жизни, которая останется в веках. В советском варианте того же феномена – и потому несколько смехотворно - вам точно знаком сюжет под названием «Жизнь замечательных людей». В православном варианте, естественно – это агиография, жизнеописания святых. Эти типы литературы регистрируют особые виды дел в соревновании за святость (деяния) или в соревновании за особые светские достижения (превзойти других!), которые задают ориентиры и горизонт общего значения. Это – арены признания, которые дают заметить жизнь, которая потому и называется «замечательной». В античности человек, который отказывается от подобных арен признания, не идет на гору и сидит дома, по-гречески назывался *ἰδιώτης* – ведь он находится только у себя («тон идион», *ἰδίω*), в частной жизни. Производное слово в современном языке – идиот. Пропустить реалистичную возможность (с точки зрения древних республиканцев) приблизиться к богам – идиотизм.

Конечно, рассматривать сейчас по-цицероновски разные виды сообщества, пытаюсь определить, какому из них свойственна обоснованная претензия на создание значимых и замечательных историй жизни – которые станут ориентиром для жизни других – достаточно сложное дело. Конечно, стандартный призыв «погибнуть за Родину» привычно воспроизводится как учебниками, так и прессой – и это часто делает

разговоры о значимой жизни в рамках сообществ другого уровня смехотворными. Можно говорить о меньших единицах действия, в рамках которых люди пытаются создать что-то значимое, но все равно – не глупо ли погибнуть за собственный двор, защищая его от уплотнительной застройки, или ложась под чей-то хамский джип, сминающий установленные ТСЖ заборчики вокруг газонов и клумб или паркующийся на детской площадке? Трудно представить себе ситуацию, когда истории подобного уровня смогут стать сравнимы с – смешно сказать! – с надгробной орацией Перикла.

Хотя во Франции, колыбели свободы, это иногда работает. Когда Жозе Бове поджигает первый Макдональдс, он создает некоторую модель антиглобалистского действия, которая в дальнейшем является ориентиром для всех тех, кто пытается что-то подобное сделать. Т.е. иногда действие даже на уровне сообщества малого масштаба, если потом оно вписывается в более широкую арену значимости, может иметь значимые последствия, и последние события в Афинах, родины республиканства, это полностью подтвердили, более того, такой вид коллективного действия – который порождает истории значимой жизни и задает ориентиры для дальнейшей игры – автоматически порождает некий смысл всего происходящего для участвующих. Тут не встает обычного вопроса одиночек типа Камю или Сартра, детально рассматривающих хитросплетения своих индивидуальных переживаний: «Каков смысл всего этого?» Проблема бессмысленности жизни – это прямое следствие разрушения арен, устроенных по принципу *res publica*.

Второе – это что именно жизнь в рамках таких арен и может рассматривается как политика в первоначальном смысле слова, как аутентичная политическая жизнь. Политика – это не вымазывание оппонента грязью во время предвыборной кампании, и не борьба пауков в банке за дележку национального бюджета после нее. Это – не соревнование заказных статей в прессе и не борьба за передел собственности. Политика рассматривается здесь, прежде всего, по импликациям того слова, от которого произошел сам термин, т.е. по модели «полиса». А полис противостоит «ойкосу», от которого позже произошло слово «экономика»: все хозяйственное надо оставить за пределами полиса. На гору шли, оставив хозяйственные нужды дома, «у себя». Поэтому интерпретация политики как домо-хозяйства, как проблемы выбора хозяина внутри «нашего дома Украины»)))))) – это следствие нашего забывания того, что внутри полиса нет хозяина, которому должны повиноваться все другие. Да, есть на время избранные или выдвинутые начальники, но они – как подсказывают само слово – начинают, а не приказывают или заставляют. Случится или нет, что другие – равные им граждане – подхватят их начинание, еще вопрос. Если да, то, возможно, и будет написана история уникальной жизни человека, который начал что-то действительно новое. Если нет, то это не страшно. Это всего лишь обычное свойство аутентичной политики, где то, что начинаешь, чаще всего не можешь контролировать – так как ты не хозяин для других, равных тебе, и тебе нужно их согласие и поддержка, чтобы начинание привело к чему-либо. Но это совсем иное понимание политики, чем господствующее сейчас.

Следующий по значимости элемент республиканской традиции, когда мы переходим к конкретным практическим механизмам – это обсуждение проблемы участия. Обычно, когда утверждают, что классические республиканские механизмы сейчас невозможны, говорят: «Ну, хорошо, на вечернюю площадь можно было собрать Новгород. В Дворце дождей в Венеции можно было посадить 2,5 тыс. патрициев, которые имели право

занимать основные должности республики. Но как же вы соберете современную нацию на одной площади?».

Ответ на это заключается примерно в следующем. Основное заблуждение по поводу устройства классических республик связано с тем, что все считают, что там главным было собраться вместе. Прежде всего, в классических республиках свобода связана с частой ротацией на основных должностях исполнительной и судебной власти. Во времена, предшествующие Макиавелли, в Сеньории, т.е. в основном органе власти Флоренции, на девяти высших должностях срок ротации составлял два месяца. Люди сидели во власти два месяца, потому что всем было ясно, какие соблазны заключает в себе обладание этим постом дольше.

Республиканское участие заключается не в том, что все стоят вместе и кричат, а в том, что все имеют одинаковый шанс попасть на основные республиканские должности, прежде всего, с помощью жребия и при помощи сложных механизмов, которые назывались в древности и средневековье «номинациями» или «сортициями». В Венеции, например, вы берете несколько тысяч людей, имена которых входят в золотую книгу сертифицированных патрициев, т.е. людей, которым дано право управлять республикой. Например, вы хотите заполнить людьми комицию (комиссию) в составе 9 человек по регулированию какой-либо области жизни. Вы, соответственно, путем первоначальных номинаций выбираете людей, которые будут мудро определять и сортировать кандидатов на эти должности. Вы выбираете 25 человек, потом с помощью жребия отсеиваете около половины, и из 25 остается 12. Эти 12 выдвигают 48 кандидатов, которые, с их точки зрения, могут исполнять обязанности в новом составе комиссии. Из 48 с помощью жребия вытягивается 10 человек. Если оказывается, что эти десять человек недостаточно адекватны для исполнения нужных должностей или только что их занимали, неподходящие отсеиваются, и патриции предлагают еще 30. Из этих 30 с лишним человек опять же жребием определяется 7. И так несколько ступеней, пока все фракционные влияния не стираются в результате формирования этой группы. В результате все несколько тысяч полноправных граждан имеют равные шансы оказаться на этой позиции власти, если, конечно, они этого хотят.

Равенство – это жребий. Есть и другие механизмы. Самое простое – посмотреть, что делали в Афинах, в Риме, во Флоренции, там все вкратце пересказано. В сумку скидываются имена тех, кто готов и мог бы квалифицированно исполнять эти функции. Потом скидываются вместе имена тех, кто будет отбирать этих людей. Потом с помощью жребия отсеивается часть и т.д.

Жребий – основной механизм для определения большинства позиций в исполнительной и судебной власти в Афинах. Те, кто читал историю Афин, это знают. Те, кто читают пересказ основных событий афинской истории в учебниках, это забывают и думают, что выборы – это самое главное. Но почитаем внимательно тех, кто соорудил современные механизмы представительной демократии.

Современные, не классические, республики – например, Франция или Америка – характеризуются прежде всего представительными институтами, и авторы этих институтов – например, Мэдисон в США или аббат Сийес во Франции – четко знали, что они делали, когда рекомендовали вводить выборы. Они знали, что они

рекомендуют антидемократическую политику. Они же читали Руссо и Монтескье. Мэдисон знает, что только жребий уравнивает всех в шансах, и говорит: «Механизм, который я ввожу, – против жребия, значит, он антидемократичен». Но нам в наших условиях – США после скидывания британского владычества – нужно то, что я бы назвал *elective aristocracy*, выборная аристократия. Почему? Потому что теперь, когда все люди претендуют на участие в политике, толпа подвержена страстям и может принять неправильное решение. Поэтому нам нужна говорильня – нам нужен “парламент”, где все будут *parler* – где обсуждаются и взвешиваются все «за» и «против», и таким образом облагораживаются решения, которые без этого могли бы быть приняты под влиянием страстей. В парламенте будут обсуждены лучшие решения, которые мы потом и утвердим. Ясно, что это аристократический механизм, но это лучше, чем сейчас опираться на эту кошмарную демократию” .

Сейчас, когда политика рассматривается прежде всего как распоряжение экономикой – и это не полис (в истинном понимании этого слова) – то становится ясно, что для качественного управления определенной профессиональной деятельностью нужны профессионалы. Как раз для того, чтобы обеспечить доступ профессионалов в политику, понимаемую как управление домом или предприятием, и вводится модель поиска лучших, которых на сегодня избирают, а на предвыборную кампанию нужны деньги и люди с деньгами в закрытых списках, эти деньги потом надо “отбивать”...коррупция...взятки... Таким образом, в республиканской традиции практиковался третий тип равенства, о котором мы забыли. Первый тип равенства всем известен – это равенство изначальных условий, либеральное равенство: мы все участвуем в одной гонке, и нам должны быть обеспечены равные условия перед забегом. Второй тип равенства, который утверждался почти в течение всего XX в. в нашей стране (бывший СССР) – это равенство результатов, социалистическое (на самом деле социальное) равенство, понимаемое как равенство получаемых вознаграждений, или в соответствии с трудовым вкладом, или по потребностям. Но дело в том, что есть еще третий тип равенства, о котором говорили и говорят по сей день настоящие республиканцы. Это равенство в степени возможности влиять на общее дело. Имеется в виду равенство в возможностях по занятию основных позиций в законодательной, исполнительной и судебной власти. Это кажется странным сегодня – когда приоритет профессионализма стал централен для политической системы – но этот тот стандарт, которым руководствовались классические республики. Если попытаться выразить это на современном русском языке, то можно сказать, что республика – это равенство тех, кому не все равно. Т.е. те, кого интересует жизнь в своем городе, должны иметь равные шансы на получение доступа к основным позициям власти.

Спрашивается, если все там было так здорово, если все имели равный доступ к власти, то почему же это не сработало, и в чем заключается проблема участия в классических республиках? Ответом является то, что равным доступом пользовались только полные граждане, равные в статусах, а большие группы населения не были допущены к управлению. Как мы часто говорим, классические республики имели тенденцию к олигархическому загниванию. Когда в 1471 г. московские войска победили новгородские, дело сводилось не только к тому, что – как иногда утверждается – была измена архиепископа или слабое ополчение. Также возможно, что низы просто не

хотели драться за систему боярско-клановой власти, которая сложилась на тот момент времени. Какой смысл иметь 300 кровопийц, воюющих за власть надо тобой? Не лучше ли иметь уж одного? Княжеская власть с предсказуемыми правилами могла выглядеть привлекательнее, чем постоянные усобицы между основными концами или основными боярскими кланами.

Венеция, когда она сдалась наполеоновским войскам в 1797 г., была в похожей ситуации. Узкая каста патрициев управляла большим количеством других людей, которые не имели политических прав. Поэтому маршалы наполеоновской армии знали, почему они выиграют войну. Французская республика после революции обеспечивала потенциально всем участие в политической игре. Конечно, условия этой игры были неравные, но можно было со временем попытаться их сделать равными. Везде в Европе при становлении представительных демократий в выборах участвовали сначала не все, был имущественный ценз, но постепенно идеал всеобщего участия повсеместно вытеснил ограниченное участие классического республиканского устройства.

Механизмы, которые основаны на выборах и всеобщем избирательном праве, вытеснили механизмы жребия, ротаций и номинаций, практиковавшиеся только среди полноправных граждан.

Теперь всеобщее участие в политической системе есть формальное свойство всех европейских стран. Но мы также знаем, что есть и обратная сторона медали – апатия избирателя, характерная, естественно, не только для славянских стран, но и для Западной Европы и Америки. Об этом постоянно пишут, как о центральной проблеме систем с всеобщим избирательным правом. Действительно, если участие сводится к тому, чтобы избирать себе начальника каждые пять лет – то не обосновано ли отсутствие интереса к такому типу политики, к выборной формам правления?

Возможно, именно разочарование в выборах а также в их результатах подкармливает возрождение интереса к классическим республиканским механизмам во всем мире, и Украина здесь не исключение, ведь **козацкие республики в разных вариантах просуществовали на этой территории вплоть до правления Екатерины Второй включительно, и на многих территориях крепостного права не существовало никогда по определению (город Одесса). Есть и другой немаловажный фактор. Возрождение интереса к классическим республиканским формам жизни в политической теории происходит также из-за того, что наблюдается сейчас на до-национальном уровне или на над-национальном уровне.**

В Берлине и Риме были эксперименты с самоуправлением, когда в плановые комиссии отдельных кварталов представителей населения избирали с помощью жребия. В канадской провинции Британская Колумбия (Ванкувер) и в Австралии проводились так называемые citizen assemblies или juries. В эти собрания с помощью жребия набираются представители обычного политически необразованного населения, потом им читаются лекции об экспертных точках зрения на определенный политический вопрос, потом эксперты дебатуют перед этими жюри, а потом решение принимается членами жюри – часто на основании консенсуса. Так простой гражданин не запятанный кимпрометирующими связями ускоренным путем поднимается до уровня профессионала, что позволяет как расширить участие, так и не поставить под вопрос эффективность. Другой пример – эксперименты с контр-демократией. Это термин, который в своей последней книге предложил Пьер Розанваллон. Он рассматривает контраст между либералами и республиканцами примерно следующим образом. Либеральные

ограничения или либеральный контроль опираются на доверие, говорит он. Мы посредством своих представителей в парламентах принимаем законы, которые потом исполнительная власть должна реализовывать, таким образом мы контролируем свою жизнь. А что, если она их не исполняет? Тогда демократия должна основываться и на недоверии – нужно большое количество гражданских инициатив, которые контролируют тех, кто якобы исполняет законы в наших интересах.

Приведу здесь классический пример из республиканской традиции английского парламентаризма времен английской революции

В качестве преграды произволу парламента выдвигалась идея, ставшая одной из ведущих в программе левеллеров,— необходимость фиксирования основных прав граждан, которые являются их естественными и «прирожденными» правами и поэтому стоят выше по отношению к любой власти в стране. К лету 1646 г. сложились основные конституционные требования левеллеров. В документе, названном «Демонстрация многих тысяч граждан» (июнь 1646 г.), содержалась уже развернутая программа демократического этапа революции:

- 1) уничтожение власти короля и палаты лордов;
- 2) верховенство власти общин;
- 3) ответственность этой палаты перед своими избирателями — народом Англии;
- 4) ежегодные выборы в парламент; (Заметьте господ-ЕЖЕГОДНЫЕ!!!!)**
- 5) неограниченная свобода совести;
- 6) конституционные гарантии против злоупотребления властью путем фиксирования «прирожденных» прав граждан, которые неотчуждаемы и абсолютны.

«Мы ваши принципалы,— провозглашали авторы петиции, обращаясь к палате общин,— вы — наши уполномоченные». Этим провозглашалась доктрина, согласно которой суверенитет принадлежит народу, являющемуся источником всякой законной власти в ней. Власть, которой пользуется парламент, не только временно «делегирована» ему, но и строго ограничена рамками природенных прав граждан, являющихся неотчуждаемыми и неподвластными ему. «Свободнорожденные» — таков круг людей, которых левеллеры наделяли этими неотъемлемыми правами. Тем самым отрицались не только феодальные привилегии «по рождению», но и пресвитерианское понимание «народа». Один из руководителей левеллеров, Р. Овертон, бросил призыв: «Да не будет величайший в стране более почитаем, чем дворники, сапожники, лудильщики и трубочисты — все они являются свободнорожденными».

Примеры наднациональных квази-республиканских механизмов тоже достаточно просты. Это, например, то, как государства Европейского Союза регулируют выброс углекислого газа в атмосферу для сдерживания парникового эффекта. Есть свободно принятая конвенция, есть механизмы контроля и регулирования, есть рынок перекупки квот выброса. Это похоже на малое сообщество, где функционируют многие из механизмов, которые функционировали в классической республике. Другой пример. Наконец, после того, как поставили новые фосфорные фильтры у наших соседей в Петербурге и Калининграде на очистных сооружениях и уровень сбросов в Балтику в среднем выровнялся по странам, финны предложили объединиться всем странам, которые сбрасывают воду в Балтийское море. Цель проста – надо будет всем 14 странам, которые влияют на бассейн Балтийского моря, собраться вместе и установить саморегулирующийся режим. Всем странам вокруг Балтийского моря хочется, чтобы море было живое, а сейчас море умирает.

И мы понимаем, что в этих ситуациях происходит обратное тому, что произошло в XVIII веке. Тогда национальные монархии и крупные империи на 200 лет выиграли соревнование у республиканской формы жизни. Сейчас на над-национальном уровне или в до-национальных сообществах эти по сути республиканские формы иногда оказываются во много раз более эффективными, чем nation, теперь они побеждают на уровне булата и злата, причем работают правильные рыночные механизмы минуя зачастую тех, кто ворует, сидя у власти.

И последнее – то, что необходимо сказать, размышляя о том, как все вышеизложенное ложится на современную реальность. Пятый элемент республиканской традиции, который мы пытались добавить к традиционно выделяемым четырем – это попытка интерпретировать термин *res publica* как прежде всего «вещи», «вещи градские» или «вещи публичные». Когда мы читаем Цицерона, мы находим в его классическом трактате *De re publica* внимание к некоторым вещам, которые помогают людям мобилизовываться и делать что-то вместе для определения своей судьбы. И именно эта инфраструктура дает устойчивость республиканским механизмам жизни.

Итак, я подытожу некоторые аргументы «за» и «против». Говоря о республиканской доблести как особых качествах людей, поддерживающих республиканское устройство, не надо заниматься проповедями, призывая ставить общественное выше личного. Все должно основываться на простом и понятном индивидуальном интересе, как сказала в своё время Екатерина Вторая (кстати немка) «Я никогда не заставляю своих придворных делать то, что им невыгодно». И этот интерес, как показывают республиканские идеи, будет работать, если устроить интересное соревнование, в котором люди смогут реализовать собственные амбиции. Это необязательно должно быть соревнование дополнительно к тому, что вы уже делаете. Вы уже соревнуетесь, как я уже говорил, в том, чтобы стать хорошим студентом, бизнесменом, ученым, врачом, чиновником и т.д. В каждом из этих соревнований есть внутренние стандарты значимых достижений. Единственно в политике не существует подобного соревнования за превосходные и сразу же всем принадлежащие достижения, потому что политика в обыденном «не-истинно-республиканском» представлении – это что-то грязное, где делят пирог под названием «национальный бюджет» или где занимаются черным пиаром, и конвертацией власти в «бабло». Политике нужно вернуть такой соревновательный компонент, чтобы целью ее отчасти являлась история значимой жизни и замечательного достижения, а не только добытые или перераспределенные (украденные) ресурсы. Если его вернуть, не надо будет вздыхать, что всем интересна только частная жизнь, никто не хочет участвовать в политике на повседневной основе. Индивидуальное желание оставить после себя образец общезначимого достижения сделает участие в политической игре интересным и что немаловажно - плодотворным. В дополнение к системе механизмов республиканского доступа к основным должностям и к привитию вкуса к политической игре, нужна еще и инфраструктура свободы. Иными словами, нужна некоторая сеть каналов участия, которая вторгается в нашу жизнь точно так же, как трубы водопровода вторгаются и заставляют нас мобилизовываться и думать, что с ними делать, когда они перестают работать. Инфраструктура участия могла бы точно так же ощутимо входить в нашу жизнь. Сейчас, к примеру, этой инфраструктурой свободы явился Интернет, яркий пример наднациональной системы. С точки зрения классической республиканской теории, надо перейти от уровня коммунального хозяйства и коммунальной квартиры до уровня публичности. Но не до

уровня публики театральной, которая только сидит и пользуется, потребляет театральное действие, а до уровня той публики, которая владеет театром жизни. Классическая республика - это не полная демократия в смысле, что все участвуют, «возьмемся за руки, друзья» и сейчас все вместе решим. Имеется ввиду другое: люди, имеющие равный статус, имеют равные возможности попадания на позиции законодательной, исполнительной и судебной власти. Второе, чем это отличается от модели гражданского общества. Это не полная демократия. Все равно всегда на позиции магистратов, т.е. управленцев, попадет 100 человек, 150, 200, 250... Если взять за пример недавнее коммунистическое прошлое то модель прямой демократии, описанная Лениным (будь он не ладен))), – никогда не реализовавшийся идеал. **Реально Советы существовали как машины определенного типа власти, но они не были связаны с той классической моделью. Только в идеализирующих оценках они были похожи на республики и хороши один год, но уже реально в 1918 г. они уже потеряли это свойства.**

Утрируя, можно сказать, что на собрания Советов стали ходить только Троцкий, Свердлов и другие деятели новой бюрократии, а все остальные устали от собраний и пошли заниматься революционным грабежом, который закончился в итоге гражданской войной с общеизвестным концом.

Классическая же республика – несколько другое. Имеется ввиду, что есть некоторые механизмы, которые позволяют с помощью ротации менять людей, которые занимают позиции в законодательной, исполнительной и судебной власти. И эта ротация должна быть частой, чтобы все граждане “которым не все равно” имели реалистичные шансы туда попасть.

К примеру, во Флоренции для того, чтобы быть избранным, нужно было сначала сказать: «Я хочу!» – никого не избирали против его воли, ничье имя не тянули из сумки, откуда вытаскивали имена во время жеребьевки, если он этого не хотел. Как я сказал, республика – это равенство тех, кому не все равно. Тех, кому все равно, обычно больше, и пусть они сидят дома, это те, кого современные политики раз в 4-5 лет называют электоратом, а все остальное время населением. Если через эту призму посмотреть к примеру на классический либерализм (это модель мы здесь не рассматриваем, возможно, есть смысл рассмотреть ее позднее), то модель понятна – вы имеете некоторую ассоциацию свободных граждан, которая пытается давить на исполнительную и законодательную власть, а дальше они смотрят, как избранные или назначенные лица реализуют интенции данной группы гражданского общества. Они не только смотрят, они судятся, действуют очень активно.

Да, есть еще и пикеты и пр. **В республиканской традиции же другой сюжет. Это, прежде всего, попытка обеспечить гражданину попадание в сам механизм реализации власти. Не давить на тех, кто сидит во власти, а дать возможность сделать то, что тебя интересует, и участвовать в принятии и реализации решений, которые определяют вашу общую судьбу.**

Таким образом получается, что система базируется не на недоверии, а на том, что доверие стопроцентно гарантируется тем, что хоть в какой-то момент ты сам там (во власти) окажешься? Имеется в виду, что есть простые эгоистические интересы. Данная модель не моралистична, она не опирается на призывы вести себя хорошо. За те два месяца, пока вы сидите на позиции в Сеньории во Флоренции, вы реализуете свои личные цели. Просто вы знаете, что если вы раздадите контракты на строительство

галер и на выгодную торговлю только своим приятелям или не дай бог что-то заберете из общественной казны, то тот магистрат, который придет на смену вам через два месяца, спокойно поставит вас к стенке и на всенародное осмеяние и предание забвению. Это происходит благодаря не доверию, а механизму ротации. Тут нет морализаторского элемента. Никаких проповедей о том, что нужно быть хорошим и ставить служение обществу выше индивидуальной самореализации.

Институциональные сдержки и противовесы обеспечиваются прежде всего за счет ротации во власти – они действуют среди тех, кто туда может попасть. И второе – заинтересованность людей попадать в механизмы власти связана не с моралистически понимаемой доблестью (например, доблестью самоограничения), а с желанием играть в эту игру, потому что с помощью этого ты опять же реализуешь и свои интересы, а не только общие. Это видимая рука создания сообщества, а не невидимая рука рынка и олигархов, которые по сути своей не любят “отсвечивать”, решая с помощью подставных депутатов свои бизнес-интересы, а не интересы социума в целом.

Европейское сообщество на сегодня с его чередованием государств у руля – один из вариантов реализации республиканского принципа на наднациональном уровне.

Достаточно посмотреть последний договор, который они подписали в Португалии, чтобы выяснить, к чему они идут. В целом ясно, что сейчас там формируется все-таки представительная система, хотя каждые полгода действительно предводителем является одна страна. Во многом она, конечно, просто формально собирает и обобщает мнения других в данный момент – ну, да, *primus inter pares*. Но будет сформирован Европарламент с большими полномочиями, чем он имеет сейчас, исполнительная власть тоже будет больше напоминать национальную исполнительную власть, т.е. там как раз сейчас, возможно, идет...движение к национальному общеевропейскому государству с республиканскими принципами ротации. Они так пока прогнозируют. Но именно поэтому, возможно, французы голосовали против, так же, как и голландцы.

Немаловажна еще одна сторона вопроса - нужны деньги, чтобы построить инфраструктуру свободы, которая входит в вашу повседневную жизнь так же просто, как входят туда трубы водопровода. Если я правильно понимаю, речь идет о транзакционных издержках в широком смысле этого слова, которые много чего в себя включают, в том числе иногда денежные средства, энергию людей. И как раз современная практика демократии, в том числе в развитых странах, говорит о том, что платить никто не хочет. Именно поэтому повсеместно существует модель критики, а не платы. И в том, что вы говорили, все-таки непонятно, почему вдруг произойдет этот поворот, почему вдруг люди захотят платить, если сейчас они не хотят. Что заставит их это делать, что должно для этого произойти?

Во-первых, условия могут заставить. Если будет замерзание труб или другое подобное крушение инфраструктуры ЖЕКов (или их аналогов), то появится желание задуматься, а почему у нас в городе такое происходит. Также появляются деньги, чтобы ввести инфраструктуру контроля, назначить людей, которые сидят и контролируют, и т.д. Здесь просто общие проблемы, которые заставляют объединяться.

Во-вторых, когда нет экстраординарных проблем. Возьмем ситуацию обычного постсоветского небольшого города населением 20-100 тыс. человек. В нем мы имеем как минимум 20 человек, которым не все равно. Это 5 бывших советских лидеров, которые перебрались на новые позиции. Это 5 новых капиталистов, которые возникли ниоткуда или успешно развились «с нуля», начиная торговать в ларьках и теперь торгуя через

местные супермаркеты, пока в город не пришла сеть «Окей» или «Перекресток». Это 5 бывших милиционеров, которые контролируют исполнение официальных контрактов, находясь или на позициях в местных силовых органах, или в частных охранных агентствах. Это и 3-4 чисто или полу-криминальных лидера, которые контролируют все виды других – плохо официализированных или вообще неофициализированных – контрактов, добиваясь тем самым снижения этих самых транзакционных издержек. И есть 1-2 журналиста, который все это легитимирует в глазах граждан. Проблема этих 20 человек в том, что в их властной группе нет ротации.

Когда формируется другая группа, кому не все равно, где есть 3 или 4 человека, которые хотят сделать что-то новое, их первые 20 обычно легко задвигают. И только если есть еще 2 местных человека, у которых есть деньги на то, чтобы реализовать то, что предлагают те 3 или 4, кому не все равно, то тут-то и происходят перемены.

Но в любом случае все примеры, которые можно привести применительно к данному случаю, сводятся к тому, что для того, чтобы люди оказались готовы действовать описываемым вами образом, они должны быть приперты к стенке, т.е. они должны находиться в крайности: либо трубы лопнули, либо их выселяют, либо что-то еще в подобном роде. Сейчас в Украине кризис до крайности обостряет республиканские идеи...хотя ранее преобладали либеральные или корпоративистские механизмы в политике, потому что с точки зрения политэкономии современной жизни они кажутся более эффективными.

Как соревновательность, которую упоминали выше, может быть организована? Я, конечно, не имею в виду выборы, накануне которых мы стоим практически постоянно на протяжении последних 4-5 лет. Их не хочется обсуждать, понятно, что это не форма соревновательности, здесь ее нет, скорее всего в сложившейся ситуации это выбор из худших вариантов лучшего, точнее – менее болезненного.

Я имею в виду именно то, как это могло быть в республиканской традиции.

Соревновательность здесь, как я уже сказал, идет по модели полиса. Подражание или следование тем моделям может запустить ее и в современной жизни. Когда мы росли, мы явно или неявно впитывали, например, античные образцы поведения, которые в школе были разжеваны для нас. Конечно, если вы читаете традиционный учебник истории, то чаще всего вы находите не республиканскую и не соревновательную модель. Но есть и то, что вошло в ориентиры нашей осмысленной жизни, некоторые античные образцы. Правда, неразумно предполагать, что кто-то сидит и думает: «Боже мой, могу я себя повести в этой ситуации, как Перикл?» Но есть трансформированные элементы античности в жизни ныне популярных героев, которые подталкивают к соревновательности. Кто-то хочет переплюнуть Ленина, кто-то – Леннона))). Если бы современные политики оставляли после себя такие модели значимой жизни, какие оставили, например, Ленин или Леннон, то на них бы пришлось ориентироваться и другим амбициозным людям, входящим в игру под названием политика. Создание значимых образцов – это и есть то, что запускает соревновательность, ради которой люди раньше жили в политике.

А какой вообще должен быть критерий выявления тех, кому не все равно? Этот вопрос практического устройства республиканских механизмов. Вот как это происходит в Берлине – в тех 17 кварталах, где проводились эксперименты по созданию плановых комиссий, привлекавших к своей работе население. Там берется 50% представителей от муниципальной власти и от официально зарегистрированных организаций

гражданского общества при таких квази-общественных палатах при местной мэрии, а 50% набирается жребием из жителей квартала. Делается это следующим образом. Всем рассылается вопрос: «Хотите поучаствовать в принятии решений, которые затрагивают вас, как жителей квартала? Вы сможете участвовать в обсуждениях на следующую тему. Тот план архитектурной перестройки, который вы примете, мы обязуемся реализовать. С одной стороны, будут сведущие люди, а именно: представители союзов архитекторов, застройщика и т.д., с другой стороны, вы придете со своим обычным опытом, послушаете соревнование экспертов перед вашими глазами, потом сами поговорите друг с другом, и в конце концов примете общее решение. Мы не гарантируем, что вы попадете на обсуждение, так как выбор будет по жребию, но если вы готовы в это поиграть, напишите «да».»

Рассылается около 1800 приглашений, ответов обычно около 200, т.е., двести «не против». Из 200 выбирается 30 жребием, 5 отказываются в последний момент, присылают письма или звонят: «Извините, теща заболела». Тогда плановая комиссия добывает с помощью жребия еще пять из тех, кто придет. И, поучаствовав раз в принятии решений с серьезными финансовыми последствиями, набранные из квартала участники подобных ассамблей – об этом написал Ив Сентомер – почему-то начинают верить в до сих пор казавшейся им достаточно идиотской мысль, что от них что-то зависит – мысль, не свойственную очень многим в нормальной либерально-демократической машине под названием Берлин. Соответственно, вот так появляются те, кому не все равно

Свобода – удовольствие дорогое и требует очень многих усилий. Естественно, бегство от свободы – это очень часто более эгоистически осмысленный тип действия. Если ответственность понимается так, то действительно надо посмотреть, каким образом прививается это желание взвалить на себя это дополнительное бремя. Откуда возьмется желание добавить в своей жизни трудностей, связанных со свободой?

Свободная жизнь является дополнительным бременем в краткосрочной перспективе, в долгосрочной перспективе она, возможно, даже в экономическом смысле будет оправданной. Откуда берутся люди, готовые к бремени свободы? Это те, кто почувствовал, что они что-то значат, и они в какой-то момент начинают брать кусок этого бремени на себя. Никто из нас, живших в Советском Союзе, не имел опыта свободной самоорганизации, это не поощрялось системой. Более того, на протяжении семидесяти с лишним лет искоренялось всеми методами. Все имеют равную возможность участвовать в принятии совместных писанных правил, и все имеют равную возможность в реализации и исполнении данных правил в жизни. Ясно, что писанное право – характеристика многих обществ, жребий – тоже. Нам в современных условиях нужна политическая партия нового поколения (название обсуждается - возможно Республиканская Партия Украины), которая сможет провести в жизнь равные возможности формулировки предписаний, которые потом исполняются, и также равные возможности (для тех, кому не все равно) доступа к должностям в стране, которые будут реализовывать эти правила. И добавить к этой структуре пять озвученных выше принципов республиканской традиции. В принципе, в связи с всемирным экономическим кризисом демократия (равно как и либерализм с социализмом) показали свою несостоятельность, и восстанавливать их в версии "с человеческим лицом" - вряд ли необходимо, скорее всего это путь в никуда, ибо в этом мало осталось от республиканских начал. Поскольку согласно теории выборная система строит

"пирамиду" людских отношений, а глупых людей в массе больше чем умных, то в итоге каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает, и в кризисы это несоответствие проявляется как никогда более остро, ситуация из хронической переходит в обостренную)). **Приведу ниже абзац из Аристотеля:**

Равенство же бывает двоякого рода: равенство (просто) по количеству и равенство по достоинству... Вообще ошибка – стремиться провести повсюду тот и другой вид равенства с его абсолютной точки зрения. И доказательством этого служит результат такого стремления: ни одна из форм полисного устройства, основанная на принципах такого рода абсолютного равенства, не остается устойчивой... Как бы то ни было, демократический строй представляет большую безопасность и реже влечет за собою внутренние возмущения, нежели строй олигархический. В олигархиях таятся зародыши двоякого рода неурядиц: раздоры олигархов друг с другом и, кроме того, нелады их с народом; в демократиях же встречается только один вид возмущений – именно возмущение против олигархии; сам против себя народ – и это следует подчеркнуть –бунтовать не станет. Сверх того, полития (в римском прочтении-республика), основанная на господстве среднего элемента...из всех упомянутых нами форм полисного строя пользуется наибольшей безопасностью.

Из вышесказанного видно, что по всем признакам Украина имеет шанс перейти из олигархии в республику тем более что согласно украинской конституции:

Статья 5. Украина является республикой. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине является народ. Народ осуществляет власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Право определять и изменять конституционный строй в Украине принадлежит

Республика как она должна быть, или откуда возник этот сайт?

Автор: Iron

24.07.2009 09:39 - Обновлено 08.01.2015 14:45

исключительно народу и не может быть узурпировано государством, его органами или должностными лицами. Никто не может узурпировать государственную власть.

“На сегодня” республиканские идеи увидены и осмыслены именно таким образом. Что будет завтра – никто не знает.)))) В сжатом виде в трудом удалось уместиться на 15 страниц (в первоначальном варианте было около 90). Закончил писать 27 декабря 2008 года, Выложено мною на всеобщее обозрение в канун нового 2009 года от рождества Христова))))).